ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

БРАТСТВО ВОЛЧЬЕЙ СТАИ

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Братство волчьей стаи

«Эксмо»
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Братство волчьей стаи / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2017 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

Бригада столичных оперативников расследует серию жестоких убийств в небольшом сибирском городе. Все жертвы работали на местном горно-обогатительном комбинате, имели дело с драгметаллами и погибли… в полнолуние. Руководитель следственной бригады подполковник Татьяна Знаменова не верила в мистику. Но только до тех пор, пока не познакомилась с «серым кардиналом» города Виктором Чащиным. И не понятно, что больше заворожило строгую женщину – неожиданная галантность нового знакомого или его гипнотизирующий взгляд. Увлеченная своими чувствами, она не заметила, как вместе со своими подчиненными стала мишенью кровожадного хозяина здешних мест, на совести которого были десятки невинных жертв…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 30
Глава 6 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Владимир Колычев
Братство волчьей стаи

© Колычев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Сосны ухожены, побелены, пространство между деревьями расчищено, засеяно газонной травкой, сам городской парк огорожен забором из железных прутьев. Сосны и ели уходили в глубь парка, терялись вдали, а вместе с ними сливалось с лесной темнотой и ощущение декоративности. Возможно, парк плавно перетекал в дикую тайгу, которая окружала старинный сибирский город Волкобойск. Окружала, пытаясь его поглотить. Но город, напротив, шел в наступление на тайгу, выгрызая из нее участки под застройку. В семидесятых здесь построили горно-обогатительный комбинат, воздвигли заводской поселок – сплошь из пятиэтажек, поставили современную школу.

Парк закончился, машина по-прежнему в пути, в поле зрения вплыла крепость, возвышающаяся над городом. Каменные стены, хоровод островерхих башен вокруг собора с золотыми куполами. От крепостных ворот спускалась и, огибая церковь, втекала в главную городскую площадь мощенная булыжником дорога. К этой площади, украшенной фонтаном и клумбами, примыкали мэрия, Дом культуры, универмаг и гостиницы – архитектурный ансамбль в стиле сталинского ампира. Все здания в хорошем состоянии, как и весь город.

Волкобойск переживал период весеннего обострения. В марте на улицах города произошло два убийства, в апреле – три, в мае пока только одно. Людей убивали по ночам, бессистемно – то ножом, то удавкой, то просто камнем по голове; под молох попадали как женщины, так и мужчины, как молодые, так и старые. Кого-то грабили, кого-то нет…

Местная полиция убийцу найти не могла. Обвинили какого-то мужчину, тот поднял шум, в дело вмешалась федеральная прокуратура, подключился следственный комитет. Доказательства признали липовыми, против начальника местного уголовного розыска возбудили дело, а в город отправили следственно-оперативную группу, которую возглавила подполковник юстиции Знаменова, специалист настолько же опытный, насколько и строгий. А старшим оперативной группы назначили майора Пахомова; он главный, а с ним два капитана – Духов и Черновицын.

Волкобойск представлялся Пахомову депрессивным, запущенным городом, на дне которого водятся наркоманы и прочие деклассированные элементы. На эту мысль наводил высокий уровень преступности, этот продукт жизнедеятельности местной криминальной мафии, вросшей во властные структуры города. Логика проста, там, где мафия, там бардак… А город вопреки ожиданиям производил благоприятное впечатление. Начиная с жилых микрорайонов. Дома в хорошем состоянии, развалюх не видать; ухоженные газоны, чистые тротуары. Современные торговые центры на каждом шагу, стадион сразу возле школы. Исторический центр города в прекрасном состоянии, эстетика зданий радует глаз. Чувствуется, что администрация денег на развитие города не жалеет.

Видно, медный горно-обогатительный комбинат порядком наполнял городской бюджет, но, как известно, вороватый чиновник способен оставить без песка даже Сахару. И даже самый богатый бюджет растащить – не проблема. Значит, городом управляют не только умом, но еще и совестью. Может, и крадут, но в меру.

А мафия в городе точно есть. Уж в этом Пахомов не сомневался. Переработка медной руды – процесс сложный, и сопровождается он побочным извлечением серебра, золота и платины. Система учета опирается на человеческий фактор, иммунитет которого не в состоянии справиться с золотой лихорадкой. И, конечно же, есть люди, которые этим пользуются. Не может не быть.

Именно поэтому следственную часть серьезно усилили оперативным составом. Мало ли, вдруг придется сойтись в схватке с организованным криминалитетом? С кем конкретно могли схлестнуться оперативники, Пахомов только догадывался. Был здесь законник Мазай,

который время от времени засвечивался на воровских сходках. Но какое положение он занимает в городе, какими силами располагает, об этом достоверных сведений нет, одни только предположения. Может, и не Мазай здесь главный? Может, вор вообще здесь не делает погоды? И о комбинате ничего не слышно, как будто и не воруют здесь золото и платину. Нет громких дел, не ведутся расследования… Одним словом, криминальная история Волкобойска – тишина, покрытая мраком. И если бы не убийства, всколыхнувшие город, так и оставался бы он тихим омутом со всеми своими чертями.

Микроавтобус остановился возле здания городской администрации.

– И что это значит? – сухо спросила Знаменова.

Она сидела на одиночном кресле возле двери в салон. Руки сложены на кожаной папке, папка на коленях, плечи расправлены, спина прямая, подбородок приподнят. В этом положении она ехала от самого аэропорта, а путь был неблизким, почти сто километров.

На улице май месяц, но погода неважная. Дождя нет, но пасмурно и холодно – без куртки не обойтись. Олег знал многих женщин, которые поверх кителя носили кожаные куртки, но Знаменова всерьез считала это нарушением формы одежды. Уставное пальто на ней синего цвета, с погонами. А вот обувь неуставная. Ножка у Татьяны стройная, и сапожки такие же изящные, на среднем, но тонком каблуке.

Ей всего тридцать два года, она младше Олега, а уже подполковник. Но удивляться здесь нечему, в армию ее не призывали, и в ОМОНе она сержантом не служила. Это Пахомов терял время на пути к офицерским погонам, а она сразу после школы поступила в университет, в двадцать два года получила по две лейтенантские звездочки на погоны, и – вперед. А подполковником Татьяна стала досрочно, в награду за успешно раскрытое дело, напоминанием о котором служил небольшой шрам на шее сразу за ухом – след от ножа. Правда, шрам этот разглядеть непросто, нужно как минимум отвести в сторону тяжелую завесь из густых и прямых, как натянутые нервы, волос. Но попробуй, прикоснись к ней…

– Так это, Станислав Альбертович вас ждет! – удивленно посмотрел на нее сопровождающий пухлощекий майор, заместитель начальника ГУВД по воспитательной работе.

– Кто такой Станислав Альбертович?

– Ну как же, глава администрации, наш мэр.

– Глебов?

– Ну да, Глебов.

– Так и говорите, Глебов.

– Так и говорю!

– Глебов нас не интересует. Нас интересует начальник следственного управления и начальник ГУВД.

– Все уже в сборе, ждут вас! – Майор Кивалов вывалился из кабины, открыл дверь в салон.

Он подал руку Знаменовой, она кивнула, поблагодарила его, но помощь не приняла. А вслед за ней выходил капитан Духов. Он благодарить Кивалова не стал – оперся на его руку, да так, что майор отпрянул в сторону. Если судить по лицу Духова, то это была не шутка. Но выражение лица у Кости всегда пресное, едва живое, если не сказать, неподвижное. Только в глубине глаз у него светятся веселые, порой шутовские огоньки, но их еще нужно разглядеть.

Городской глава ждал в кабинете, но вышел к ним в приемную. Это был не молодой, но еще и не старый мужчина с широким лицом, короткой шеей, надутым как шар брюхом, относительно узкими бедрами и тонкими ногами. Движения быстрые, энергичные, походка слегка подпрыгивающая, отчего могло возникнуть подозрение, что пузо надуто летучим газом, толкающим его вверх. Улыбка открытая, но скупая. Одной только Знаменовой он улыбнулся широко, но восхищение выразил исключительно взглядом.

А восхищаться было чем. Может, и не писаной красоты она женщина, но было в ней что-то такое эдакое, отчего замирало или хотя бы притормаживало мужское сердце.

Но было в Татьяне и нечто такое, отчего пропадало желание с ней заигрывать. Строгий взгляд, суровая сосредоточенность, внутренняя собранность, нацеленность на самое важное. Также в ней угадывалась срывающаяся с цепи готовность осмеять глупость собеседника. Может, потому в ее присутствии возникало желание молчать – чтобы за умного сойти. Может, потому Глебов не поцеловал протянутую ему руку, а всего лишь пожал ее. И со всеми остальными он тоже поздоровался за руку.

Глядя на главу администрации, Пахомов представил накрытый стол у него в кабинете. Московские «важняки» устали с дороги, проголодались, покормить их нужно, в баньке пропарить, этим и задобрить. Чтобы они глубоко не рыли. Ну, как обычно.

Но в кабинете царила деловая обстановка. За общим столом сидели два полковника – один в форме полиции, другой в мундире следователя. И еще Олег увидел штатского – высокого, хорошо сложенного мужчину средних лет. Аккуратная короткая прическа, ухоженное лицо, светлый улыбчивый взгляд, располагающая улыбка. Черты лица мягкие, но в них чувствовалась порода. А в нем самом угадывался крепкий внутренний стержень, который, может, и гнется, но не ломается.

Начальник ГУВД хоть и нехотя, но поднялся навстречу гостям. Представитель следственного комитета проявил бóльшую прыть – он даже вышел из-за стола. А мужчина в штатском так и остался сидеть. Он поднялся только лишь после того, как Глебов представил его:

– Чащин Виктор Борисович, мой заместитель по безопасности.

– По безопасности? – Знаменова удивленно повела бровью, с профессиональной настороженностью глядя на Чащина.

Тот улыбнулся, подошел к Татьяне и непринужденно поцеловал ей руку. Чем снова вызвал ее удивление, на этот раз обращенное к самой себе. Как будто она должна была остановить движение своей руки к его губам, но почему-то не сделала этого. Впрочем, это удивление длилось всего мгновение.

– На самом деле это обычная практика в административной деятельности, – сказал Чащин с улыбкой, принуждающей к общению. – На мне лежит контроль за деятельностью правоохранительных органов.

– Контроль, может, и есть… – пожала плечами Знаменова.

Она не хотела продолжать. Замечание, которое вдруг захотелось высказать, ей самой показалось лишним, несущественным, но Чащин продолжил за нее.

– И результат есть. Количество правонарушений незначительно, раскрываемость высокая, но в семье, как говорится, не без урода.

– Это вы об убийцах?

– Об убийце, – с мягкой улыбкой твердо сказал Чащин.

Знаменова пожала плечами. Она считала, что убийства совершались разными людьми. И Пахомов склонялся к этому.

– Мне необходимо ознакомиться с материалами дела, – сказала она, обращаясь к начальнику следственного управления.

– Все готово, можете приступать прямо сейчас, – кивнул тот.

– Прямо сейчас и приступим. Дела у вас в управлении?

– Да, конечно.

– Тогда что мы здесь делаем?

– А разве мы не должны обсудить сложившуюся обстановку, наметить, так сказать, пути решения проблемы? – обескураженно развел руками Глебов. – Дело серьезное, с наскока его не решить. Тут всем миром нужно.

– Разумеется, ваша помощь необходима, – холодно глянула на него Знаменова. – Но сейчас нас больше интересуют частности. А из них мы уже составим общую картину. Тогда и будем искать пути решения.

Уходя, она вопросительно глянула на Чащина. В этом взгляде не было женского интереса, Татьяне хотелось знать, насколько прав заместитель мэра по безопасности. Что, если ей придется расследовать серийное убийство? Если так, то дело дрянь. Серийный преступник действует, как правило, по шаблону, на этом его и ловят. А если серийный убийца старается избегать повторений, значит, он работает с головой, а потому взять его будет ох как трудно.

* * *

Гражданка Варнавина была убита поздно вечером, когда возвращалась с работы домой. Преступник подкрался к ней сзади, одной рукой зажал рот, а другой ударил ножом – точно в правую почку. Смерть наступила мгновенно.

Точно так же был убит и гражданин Сайко. Мужчина возвращался домой после ночной смены, убийца так же ударил его ножом сзади. Но в левую почку. В первом случае убивал правша, во втором левша. Гражданку Варнавину ограбили, а Сайко – нет. Ну и где же здесь, спрашивается, серия?

Ларису Калинкину выбросили из машины. Сначала изнасиловали, в презервативе, а затем задушили, судя по всему, поясным ремнем. Девушка яркая, красивая, кто-то не смог пройти мимо. В ее гибели обвинили соседа по дому, который неровно к ней дышал. У Никиты Пирогова была машина, в перчаточном ящике обнаружили презерватив. И еще подозреваемый не имел алиби – вот и вся база, на которой построили обвинение. Хорошо, у Пирогова нашелся влиятельный брат в Москве, он и забил тревогу, по которой подняли группу Знаменовой.

– Варнавина работала на комбинате, Сайко работал на комбинате… Калинкина на комбинате не работала, – в отстраненном раздумье покачала головой Знаменова. – Салон красоты «Валерия», дамский мастер.

– Дамский мастер вполне мог обслужить и мужчину, – сказал Пахомов. – Обслужила мужчину, познакомилась с ним, согласилась на встречу…

– Едем дальше. – Знаменова и ухом не повела.

Она открыла очередную папку.

Назимова Гульнара Ринатовна. Пенсионерка. Прогуливалась ночью вокруг дома, спасаясь от бессонницы, кто-то подкрался к ней сзади, ударил камнем по голове. Раз ударил, два… Четыре удара и как минимум два из них могли быть смертельными. Женщина смогла позвонить своей дочери, но до приезда «Скорой» не дожила.

Грибов Антон Данилович. Таксист. Убийца ударил его шилом в шею, в стык между позвонками. Но умер мужчина от острой кислородной недостаточности. Возможно, убийца, парализовав жертву, закрыл ему ладонью рот и нос. И спокойно покинул автомобиль, забрав у таксиста документы и деньги. И не оставив следов – если верить заключению криминальной экспертизы.

Дорохова Елена Борисовна. Вышла из дома в районе одиннадцати вечера. Ее убили ножом в сквере недалеко от дома. Убили точным ударом в сердце. Ударили так, что не пролилось ни капли крови. Видно, какое-то время нож находился в ране, вжимаясь в плоть плоской перемычкой между клинком и рукоятью. Чувствовалось, что бил профессионал. А прежде чем убить жертву, преступник ударил ее в сонную артерию. Уложил на траву, раздел догола и убил. Даже не изнасиловал. Не хотел? Или не смог?.. Неужели осечка разозлила его до такой степени, что рука потянулась к ножу?

– Одежда с места преступления исчезла… – прочитала Знаменова. – Неужели маньяк?

– Маньяк-раздеватель? – с мрачной иронией в голосе спросил Пахомов.

– И убиватель, – совсем не весело усмехнулась Татьяна. – Интересно, по какой причине Дорохова вышла из дома?.. – Знаменова перелистнула страницу назад. – Так, смотрим… Позвонила подруга, и Лена ушла… А зачем звонила подруга?..

Вопросов много, и ответы на них приходится искать по остывшим уже следам. Варнавину и Сайко убили в марте, Калинкину, Назимову и Грибова – в апреле. А май месяц начался с убийства Дороховой. Неделя уже прошла с тех пор, как погибла девушка. Труп еще в морге, но что даст его обследование? Пока ничего уличающего не обнаружено…

– Так, протокол допроса гражданки Гурьяновой, – сказала Знаменова, пальцами переминая страницу протокола. – Смотрим, смотрим. К Гурьяновой пришли знакомые парни, она позвала Дорохову. Гм, для полноты компании позвала…

– Может, парни это и сделали?

– И парней допрашивали… – качнула головой Знаменова. – Похоже, они точно вне подозрений… Была бы зацепка, их бы пришили к делу Дороховой, как Пирогова к делу Калинкиной. А не пришили…

– А кем работала у нас Дорохова? – спросил Пахомов.

– Горно-обогатительный комбинат, бюро пропусков.

– И снова комбинат.

– И Назимова там работала. В прошлом… Поваром, в заводской столовой.

– Варнавина работала в бухгалтерии, – напомнил Пахомов. – Сайко – водитель карьерного самосвала… Какое они имели отношение к утечке драгметаллов?

– Карьерный самосвал – дело такое, – в раздумье проговорила Знаменова. – Привез породу и уехал. И что там в породе, водителя не волнует. Да его никто и не информирует. И через бухгалтерию левое золото не проходит.

– И через столовую тоже.

– А отдел пропусков решает, кого пропускать, а не выпускать.

– Таксист и дамский мастер вообще из другой оперы.

– Но, возможно, таксист и дамский мастер владели информацией об утечке. Так же, как и все остальные… Но зачем раздевать Дорохову? – непонимающе пожала плечами Татьяна.

– Может, в этом какой-то знак? – вслух подумал Пахомов.

– Не знаю, не уверена… Чащин считает, что убивает один и тот же человек.

– Не думаю.

– А он в этом уверен.

– Кто он такой, этот Чащин?

– Замглавы администрации…

– Замом по безопасности ставят, как правило, бывшего сотрудника.

– Ну, вид у него подтянутый и стрижка командирская, – затаенно улыбнулась Знаменова. – И взгляд уверенного в себе мужчины…

Пахомов с подозрением глянул на нее. Он работал с Татьяной недавно, но уже успел сдружиться с ней. Он холостой, она не замужем, казалось бы, сама судьба велела им быть вместе, но дружба дружбой, а постель врозь. Вроде бы и тянуло их друг к другу, но что-то мешало сойтись вместе в крутом пике. И она не давала повода для вольностей, и его что-то удерживало на низком старте. Но тем не менее он ее ревновал…

– В себе-то он, может, и уверен, – пожал плечами Олег. – Но уверен ли в том, что говорит? Чащин отвечает за порядок в городе, и ему выгодно свалить все на одного-единственного человека. Все было хорошо, но вдруг появился один-единственный урод на всю большую семью, и вся идиллия коту под хвост. И Чащина в этом винить не надо, у него-то с обеспечением законности все в порядке, работа идет…

– В порядке, – кивнула Татьяна. – Уровень преступности ниже среднего, раскрываемость выше среднего. Если бы не эти убийства, мы бы и не знали об этом Волкобойске.

– А мы узнали. И мы здесь. Вдруг что-то не то узнаем? Вдруг разворошим осиное гнездо? Этого Чащин и боится.

– Ты не знаешь, чего он боится, а чего нет. – Знаменова строго посмотрела на Пахомова. – И не надо говорить… А насчет того, что убивает один человек… – Она запнулась, не решаясь озвучить свою мысль. – Все убийства совершены ночью или в темное время суток.

– Это не удивительно.

– И все на улице.

– Калинкину и Грибова убили в машине.

– Да, но машины ездят по улицам… Нам нужна карта города, – отчеканила Знаменова.

– Найдем, – кивнул Пахомов.

Татьяна – отличный следователь. Можно было не сомневаться в том, что она еще раз куда более детально изучит дела, систематизирует данные о потерпевших, об их связях, образе жизни, привычках и наклонностях, проведет тщательный анализ. Способы и механизмы совершения убийств, обстановка, в которой они совершались, – и это все будет разобрано по полочкам. Рано или поздно она составит психологические портреты преступников. Или преступника?

Карта была нужна Знаменовой для того, чтобы нанести на нее точки, в которых произошли расследуемые убийства. По этим точкам обычно определялся район, в котором действовал серийный убийца. Или она поверила Чащину, или сама дошла до такого предположения – в любом случае Пахомов должен был придерживаться ее мнения и обеспечивать расследование. Что ж, он готов. Но и от своей версии он отказываться не станет. Тем более что одно другому не мешает.

Глава 2

Время позднее, половина восьмого. Пахомов устал с дороги, а еще в гостинице нужно устраиваться. Но все-таки он позвонил в ГУВД. Не стоило откладывать на завтра то, что можно было сделать сегодня. И все-таки было бы лучше, если бы майор Тернов уехал, не дождавшись его. Усталость давала о себе знать. Но начальник уголовного розыска был на месте, и Олег отправился к нему.

ГУВД размещалось в старом здании, в мрачных коридорах которого пахло свежей краской. И покрашено здесь, и побелено, и двери новые. Но сами по себе стены – толстые, проходы узкие, отчего у посетителя могло возникнуть гнетущее впечатление. Но майор Пахомов чувствовал себя в таких коридорах – как рыба в воде.

Майор Тернов сидел за столом и угрюмо смотрел на экран компьютера. Услышав гостя, он повернул к нему голову, неторопливо поднялся. Это был невысокого роста мужчина с вихрастой головой на крепкой шее, плавно переходящей в борцовские плечи. Массивный лоб, широкая переносица, приплюснутый нос, волевой подбородок. Тернов производил впечатление человека, занимающегося спортом, но движения – почему-то вялые, и сам он какой-то, мягко говоря, несвежий.

Пахомов поздоровался, представился, в ответ майор лишь кивнул. И достал из шкафа бутылку не очень дорогого коньяка.

– А я думаю, придет кто или нет, – сказал он.

Он поставил на стол бутылку, два стакана. Оттуда же, из барного отсека вынул целый лимон, блюдце под него.

– Да разобраться во всем надо.

– Дела изучили? – Тернов достал из ящика стола завораживающей формы финку.

Он лишь слегка коснулся лимона, и тот распался на две половины.

– Постольку поскольку.

Тернов откупорил бутылку, раскидал по стаканам.

– Только не подумай, что замасливаю. Чисто из гостеприимства, – сказал он.

– Зачем замасливать? Не ошибается тот, кто не работает.

– Если это ошибка, – пожал плечами Тернов.

– Разберемся.

Хозяин кабинета подал Олегу стакан.

– Майор Тернов, начальник отдела уголовного розыска.

– Майор Пахомов, старший оперуполномоченный департамента уголовного розыска.

– За знакомство!

Они выпили, но Пахомов за лимонной долькой не потянулся. Коньяк и без того прошел мягко.

– Илья! – Тернов протянул ему руку.

– Олег! – Пахомов крепко ее пожал.

– Закрепить надо.

Они выпили по второй. Олег покачал головой – все, с него хватит.

– Можно и по третьей, – пожал плечами Тернов. – Но ты прав, Олег, мы не на похоронах.

Он убрал тарелку, сел за приставной стол лицом к гостю.

– Дело Калинкиной смотрел?

Пахомов кивнул.

– Что скажешь?

– Хотелось бы поговорить с Пироговым, – уклончиво ответил Олег.

– Я говорил, – сказал Тернов, прямо глядя ему в глаза. – Скользкий жук. И к Ларисе клеился, все домой к себе зазывал.

– К себе домой?

– Они по соседству живут… Жили. Ему сорок девять, ей двадцать шесть…

– Он женат?

– Нет.

– В квартире сам живет?

– Сам.

– Они на одной лестничной площадке жили?

– Калинкина этажом выше.

– Он мог подкараулить ее, завести к себе в квартиру.

– Пытался.

– Я не нашел свидетельских показаний на этот счет.

– Ну, не каждый согласится дать показания под протокол.

– Почему?

– Боятся люди.

– Чего?

– Всего.

Пахомов пожал плечами, пытаясь изобразить равнодушие. На самом деле этот момент в разговоре заинтриговал его. Если жители города живут в атмосфере страха, значит, не чисто здесь. Именно это и хотел услышать Олег. Именно за этим и пришел.

– Насколько я знаю, Пирогов – индивидуальный предприниматель.

– Автозапчастями торгует.

– И это пугает людей?

– Ну, его-то никто не боится.

– А кого боятся?

– Приставал Пирогов к Ларисе Калинкиной? Приставал. И это установленный факт. И в машину он мог ее затащить… Хотя зачем затаскивать? Посадил в машину, и все… Я же не просто так его закрыл. Чутье у меня, чутье…

Тернов ушел от прямого ответа и этим только подогрел интерес Олега.

– А Сайко, Варнавина, Грибов?.. Кто там еще…

– Назимова, Дорохова… – подсказал майор. – Но я не привязываю к ним Пирогова. А к убийству Калинкиной привязываю. Он это сделал, он.

– А остальные?

– Да ходит по ночам какой-то урод, – сквозь зубы сказал Тернов.

– В семье не без урода? – вспомнив слова Чащина, спросил Пахомов.

– Вот и я о том же.

– Думаешь, серийник?

– Да не знаю… Разные мотивы, разные способы…

– А начальство считает, что серийник?

– Ну, есть мысль…

– Кто такой Чащин? – Олег говорил спокойно, но Тернов дернулся так, как будто вопрос прозвучал резко.

– Чащин?

– Виктор Борисович Чащин, заместитель главы администрации по безопасности.

– Если ты знаешь, зачем спрашиваешь?

– Он же не всю жизнь в администрации заседал?

– Нет… Он в милиции служил… Тогда еще в милиции… Уволился с должности начальника патрульной милиции.

– И сразу в администрацию?

– Не сразу… А что?

– Чащин считает, что убийца – один и тот же человек.

– Ну да, был разговор… – кивнул Тернов.

– Почему он так думает?

– Это не ко мне. – Майор глянул куда-то в сторону.

– Ты говорил, что народ у вас пугливый, протоколов боятся.

– Я говорил?.. Ну, боятся… А кто сейчас не боится?

– Там, где все спокойно, там не боятся. А где беспредел, там боятся.

– У нас нет беспредела, – покачал головой Тернов.

– Тогда почему люди боятся?

– Не боятся.

– Кто такой Мазай?

– Мазай?.. В законе Мазай.

– Он что говорит про убийства?

– Так а кто его спрашивал? – заметно растерялся Тернов.

– А разве он за городом не смотрит?

– Считается, что смотрит…

– А на самом деле как? Никто всерьез не воспринимает?

– Нет у нас воров. Всех вывели. И воровской общины нет. Смотрящий есть, а смотреть не за кем. Не делает у нас погоды Мазай, он там только для своих смотрящий…

– А кто же тогда теневая власть?

– Нет у нас такой власти. Вся власть официальная. – Тернов хмурил брови, глядя на Олега, но все равно смотрелся неубедительно.

– И золото с завода не уходит?

– Золото?

– Золото, серебро, платина – что там из породы выходит…

– Не знаю ничего такого! – мотнул головой Тернов.

– Так я почему-то и думал, – усмехнулся Пахомов. – Ладно, пойду я. Поздно уже.

Тернов посмотрел исподлобья. И ничего не сказал, когда Олег поднялся со своего места, молча сопроводил его взглядом до самой двери. Но у самого выхода окликнул:

– Стой!

Тернов поднялся, достал коньяк, стаканы, налил себе и ему. А когда Олег сел, выглянул за дверь, а затем закрыл ее на ключ.

– Есть у нас золото. И люди есть, кто на этом наживается. Но мой тебе совет, не лезть в это дело. Там такой темный лес, что и не заметишь, как шею себе свернешь.

– И кто там в этом лесу главный?

– Ты правильно все понял. И про золото правильно сказал. И про Мазая. У него тут все схвачено. И в администрации, и на комбинате, и люди там по местам расставлены. Но никто ничего не найдет. И никто ничего не докажет. А без доказательств далеко не уедешь… Сам видишь, прижали Пирогова без доказательств, а что вышло?

– Убийств много, потому и вышло. Вопрос, кто все это развел. Пирогов? Нет. Мазай?.. – Олег взял паузу, пристально глядя на Тернова.

– Зачем это Мазаю? Он уже старый, седьмой десяток разменял. И не убивал он никогда.

– И на старуху бывает мокруха… А если серьезно, может, кто-то из его свиты шалит?

– Убивать просто так?

– Почему просто так? Варнавину и Грибова, например, ограбили.

– Варнавину и Грибова, – в раздумье, растягивая слова, проговорил Тернов. – Варнавиной почку проткнули. И Сайко так же убили.

– Одну в правую, другого в левую почку.

– И в том и в другом случае убийца был одного роста. И одной силы. А руки поменять можно. Я, например, как с правой руки хорошо стреляю, так и с левой… – Майор улыбнулся и подал Олегу стакан. – Давай, чтобы ты на меня не подумал!

Пахомов кивнул, принимая шутку. Они выпили.

– Руки поменять можно, – сказал он, выдохнув в кулак. – А зачем?

– Следствие с толку сбить.

– Вот и спрашивается, кому это нужно?

– Не знаю… И руки меняет, и под ограбление косит… Может, правда, маньяк объявился, хитрый, умный. Может, оборотень?

– Оборотень?

– А вдруг?

– Я в сказки не верю.

– Если бы я в Москве служил, тоже бы не верил. А здесь у нас Волкобойск. Почему Волкобойск?

– Волков били?

– Именно. Волков здесь и раньше много было, и сейчас водятся. А волки – это волчья кровь, которая превращает в оборотня…

– Ты сам в это веришь?

– Нет. Но только оборотень убивает из удовольствия. Волк, он без нужды не убивает, а у оборотня потребность, такая вот беда.

– Оборотни рвут, грызут, выгрызают, а здесь все чисто. Крови по минимуму.

– Умный оборотень свое нутро выставлять не станет…

– Надеюсь, у вас учет оборотней ведется? – в шутку, но с очень серьезным видом спросил Пахомов. – Мне бы картотеку глянуть.

Какое-то время Тернов смотрел на него в легком недоумении, но потом улыбнулся, шутливо погрозил пальцем, точнее – всего лишь обозначил жест.

– Юморной ты мужик, Олег. Думаю, сработаемся… Если вдруг какая помощь нужна, всегда пожалуйста.

– Помощь нужна. Но деловые вопросы завтра.

– На дорожку? – Тернов взял за горлышко бутылку с жалкими остатками коньяка.

Пахомов кивнул. Сегодня они допьют эту бутылку, а завтра он сам проставится – по случаю успешного завершения дела. Только когда оно наступит, это завтра?

* * *

Он не подходил к Татьяне близко, но она все равно унюхала его. Постучала, зашла в номер, окинула взглядом подчиненных, повела носом.

– Коньяк?

– Дезинфекция, – пошутил Духов. – Клопов травили.

Но Татьяна и ухом не повела.

– Коньяк! – повторила она, с подозрением глядя на Олега.

Даже в спортивном костюме она смотрелась очень эффектно. Глядя на нее, он должен был задаться вопросом, почему они собираются спать в разных номерах.

– Армянский, пятизвездочный. Тернов угостил.

Знаменова повернулась к двери, кивком приглашая Олега за собой.

Она подвела его к своему номеру, открыла дверь и пропустила вперед.

– На двоих? – спросил Пахомов, взглядом окинув номер.

– У нас, если ты не помнишь, сухой закон.

– Я насчет постели.

– Что?

– В смысле, насчет номера. Номер, говорю, на двоих…

Знаменова открыла дверь и, хмуро глянув на него, сказала:

– Пока свободен! Проветришь мысли, зайдешь.

– Мысли хорошо на улице проветривать. А там сейчас темно.

– И что?

– А в темноте оборотни водятся.

– Я знаю, что можно допиться до чертиков. Ты что, допился до оборотней? – усмехнулась Татьяна.

– Тернов сказал, что у них здесь оборотни водятся.

– Оборотни в погонах?

– И в погонах, возможно, тоже… Нечисто здесь. Золото с завода вывозят, и мафия своя есть, и все шито-крыто. Чувствуется очень серьезная организация.

– Это уже интересно.

– Только вот кто у них тут главный?

– Кто?

– Я спросил про Мазая. Тернов сказал, что Мазай у них для мебели. А потом я сказал, что на заводе золото воруют. Тернов сказал, что нет ничего. Потом понял, что шила в мешке не утаишь, стал рассказывать, какой Мазай крутой. Но я ему не верю. Кто-то здесь без Мазая крутит.

– Кто?

– Тернов посоветовал не лезть в этот темный лес. А кто главный в этом лесу, не сказал. Я про Чащина спросил, Тернов занервничал…

– Думаешь, Чащин главный?

– Он из бывших. Начальником патрульно-постовой службы был. Мог и замутить… И еще Чащин версию с одним-единственным убийцей продвигает. Зачем?

– Зачем? – внимательно глядя на Олега, отозвалась Знаменова.

– Чтобы мы в его темный лес не лезли, а то вдруг лихо разбудим. И в наручники.

– А вдруг?

– Лихо трогать нельзя. А оборотня подставить можно. Придумать оборотня и подставить – пусть ищут.

– Придумать?

– Тернов сначала сказал, что не верит в одного убийцу. А потом оборотня мне подсовывать стал. Волков здесь много, волчья кровь у кого-то в жилах гуляет… Раньше спокойно все было, а тут вдруг закрутилось…

– Относительно спокойно, – кивнула Татьяна.

– В пределах статистической погрешности.

– Значит, оборотень, говоришь.

Знаменова села за ноутбук, вышла в сеть, что-то там нашла. И в свой блокнот заглянула.

– Интересное дело, – нахмурив брови, сказала она. – Варнавина в полнолуние была убита. И Сайко в полнолуние… А Калинкину… луна уже на спад пошла, но все равно еще в теле была.

– Кто в теле? Калинкина?

– Нет, луна.

– Луна, месяц… Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана… – усмехнулся Пахомов.

– И резал, и бил… – Татьяна открыла лунный календарь на апрель месяц. Снова сверилась со своими записями. – Смешно это или нет, но Назимову убили в полнолуние. А Грибова нет. Грибова на лунное затмение убили…

– Знать бы, на кого затмение нашло.

– Затмение нашло, когда Назимову убивали. А Грибова убивали с умыслом.

– Возможно, он перевозил золото. Или платину.

– Куда он перевозил?.. Я тут карту города нашла… – Знаменова открыла на компьютере интерактивную карту Волкобойска. – Вот, улица Новая. Здесь убили Грибова.

Улица Новая находилась на окраине города, далеко в стороне от комбината, но также у реки.

– Частный сектор?

– Похоже на то, – кивнула Знаменова.

– Что-то мне подсказывает, что хижины там не соломенные.

– Можно глянуть.

– Сейчас?

– Ну, ты же не боишься полной луны?

Гостиница вполне соответствовала заявленным трем звездам, и в номере у Татьяны находился сейф. Из него она и вынула свой «ПМ». В обычной обстановке следователи предпочитали обходиться без оружия, но в незнакомом городе, в невыясненной ситуации лучше ходить со страховкой.

Глава 3

Улица Новая была освещена от начала до конца. Фонари горели ярко, в их свете гладкий черный асфальт поблескивал так, как будто его только что щедро полили водой. За кирпичными заборами высились большие и красивые дома, выстроенные в едином стиле, как это бывает в коттеджных поселках премиум-класса. Но такие поселки, как правило, огораживаются и охраняются, а здесь только частные заборы, и сторожей не видно.

– Вот и спрашивается, на какие деньги все это построено? – разглядывая фигурную крышу близстоящего дома, спросил Пахомов.

– Кто-то один строил, остальные покупали и вселялись, – сказала Знаменова.

– На какие шиши?

– На те самые, о которых ты думаешь… Выходим?

Они стояли возле дома под номером четыре. На этом месте нашли машину, в которой и находился труп Грибова. Но машины здесь давно нет, и Грибова уже успели похоронить.

– Свидетелей опрашивать?

Погода вроде бы неплохая – небо чистое, сухо, но холодно. А в микроавтобусе тепло, и выходить не хочется. Да и куда? Возможные свидетели за высокими заборами, за бронированными дверями прячутся, их сейчас никаким законом из теплых нор не выкуришь. Да и не время сейчас опрос проводить.

– Да нет, пройдемся. Погода хорошая.

– Ну да, – кисло глянув на Татьяну, неохотно согласился Олег.

Теплая спортивная куртка на ней, а он в холодной кожанке поверх тонкого джемпера. Впрочем, он мужчина, и если женщина просит… Тем более женщина эта еще и начальник.

Но Знаменова не вышла из машины. Ее взгляд привлек пес, который сидел на крыше гаража и смотрел в небо – на луну, еще не полную, но уже пухлую.

– Смотри!

– Это не собака, – качнул головой Пахомов. – Это волк!

Это действительно был самый настоящий волк. С цепью на шее. Неподалеку от него горел фонарь, но казалось, что его подсвечивает само небо – темное, лунное. На фоне этого неба волчий силуэт казался тенью из потустороннего мира. Зловещее зрелище, пугающее. А если бы волк еще и взвыл на луну. Но он молчал. Он взывал к луне взглядом – пристальным, из глубины волчьей души, порожденной мистикой леса.

– Выходим? – спросил Олег.

Волк произвел впечатление на Знаменову, она притихла, присмирела. И, судя по выражению лица, у нее пропало желание выходить из машины.

– Выходим?! – Она метнула на него вопросительно-восклицательный взгляд.

Похоже, Татьяна поняла, о чем он думает, поэтому пересилила себя.

– Выходим!

Она выпрыгнула из машины, повернулась к волку спиной, чтобы на него не смотреть. И Олег вышел к ней.

– Что дальше?

– А время-то не очень позднее, – сказала она, глянув на часы. – Половина десятого. А на улице уже никого нет.

– Это Сибирь, здесь рано ложатся.

– Может, боятся по темноте гулять?

– Может, и боятся.

Из темноты полыхнул свет фар, к ним приближалась машина.

– Такси едет, – сказал Олег.

– Такси?

– Такси компании «Летучий Голландец». Грибов за рулем.

– Пахомов! – Татьяна возмутилась так, как будто Олег выругался при ней матом.

– Шучу я, – улыбнулся он.

И в этот момент волк завыл – протяжно, пронзительно и высоко – до самой луны. И тишина вокруг него взорвалась собачьим лаем. Это успокоило волка. Он стих. И собаки замолчали, восхищаясь собственным мужеством, которое позволило им облаять волка.

А рядом с микроавтобусом остановился новенький «Гелендваген» – чистый, отливающий лаком. Из машины вышел Чащин, в коротком пальто с воротником из стриженой норки. От него на расстоянии пахло дорогим одеколоном. Или запах очень стойкий, или он собирался к любовнице, которая жила в этом районе. Об этом Пахомов подумал вскользь. Зачарованный волчьим воем, он туговато соображал. И Знаменова казалась слегка ошарашенной.

– Товарищ подполковник! – Он смотрел на Татьяну с благодушной насмешкой.

– Виктор Борисович?

– Я думал, вы меня не запомните, – улыбнулся он.

– Ну как же! Вы же зам по безопасности. И у вас, насколько я понимаю, своя версия происходящего.

– Происходящего, – кивнул Чащин.

И почему-то посмотрел на волка, который по-прежнему сидел на крыше пристроенного к дому гаража.

– Хотел бы говорить об этом в прошедшем времени, но почему-то не получается. Весна еще не закончилась, – сказал он. – Еще будет полная луна.

– Это вы об оборотнях?

– Об оборотне. Он у нас один.

– Кто?

В ответ Чащин кивнул на волка, который вдруг повернулся к нему.

– Это оборотень?! – Знаменова хотела засмеяться, но ее голос дрогнул, сорвался на хрип.

– А разве Грибова не здесь убили? – спокойно, но с гнетущей тяжестью во взгляде спросил Чащин.

– Здесь Грибова убили, – сказал Пахомов. – И что?

Ему тоже было слегка не по себе, но голос звучал ровно, уверенно.

– Ничего. – Чащин посмотрел на него так же невозмутимо, с безмятежной тяжестью во взгляде.

А глаза у него необычные, янтарные, и светились они как будто бы изнутри. А может, в них отражался свет луны. Пахомов поймал себя на ощущении, что завороженно смотрит Чащину в глаза. И усилием воли встряхнулся изнутри. Возникло вдруг чувство, будто он только что проснулся.

– Ничего, – повторил Чащин. – Но Грибова убили.

Пахомов глянул на волка и увидел, как тот смотрит на Чащина. Волк утратил уверенность и спокойствие, он смотрел на Чащина как на соперника, который мог предъявить претензию на помеченную территорию. Но волка вдруг привлек и сам Олег. Глядя на него, он вдруг вздыбился, оскалился. И собаки учуяли волчий страх, снова загавкали. Их лай, казалось, стал последней каплей в чаше терпения. Волк исчез из виду, спрыгнув с гаража.

– Этот волк не мог его убить, – качнул головой Пахомов. – Даже если он оборотень.

– Это не оборотень. И даже не волк, – пренебрежительно усмехнулся Чащин.

– Зачем же вы тогда говорите?

– Это я воспользовался случаем. Чтобы вы прочувствовали остроту момента.

– Это ваш дом? – спросил Пахомов и кивнул на гараж, с которого спрыгнул волк.

– Нет. Не мой. А почему вы спрашиваете?

– Ну, вы же сказали, что Грибова убил оборотень.

– Я всего лишь предположил.

– И я предположил.

– Мой дом находится дальше, – одними губами улыбнулся Чащин. – Там, в самом конце. – Чащин повел рукой вдоль улицы.

– Большой дом?

– Не маленький… Я так понимаю, у вас есть ко мне вопросы?

– Хотелось бы прояснить ряд моментов.

– Тогда прошу в гости!

– Что ж, можно, – кивнула Знаменова, с интересом или даже завороженно глядя на него.

– Можно, – подтвердил Олег. – Но завтра.

– А если сегодня? – В голосе Чащина едва слышно звякнуло возмущение.

И еще он попытался надавить на Олега взглядом, но натолкнулся на твердую породу и ослабил нажим. И что-то гневное колыхнулось в его волчьих глазах.

– Завтра.

Пахомов хотел добавить, что у них был сегодня очень трудный день, но решил не оправдываться перед этим странным типом.

– Завтра вечером я приглашаю вас к себе в гости. Вас, товарищ подполковник, и вас, товарищ майор. – Чащин попытался улыбнуться от всей души, но вышла какая-то гримаса.

– Всего хорошего, – сквозь зубы пожелал ему Олег и, взяв Татьяну под локоток, увлек ее в машину.

От коньячных паров не осталось и следа – Пахомов сам сел за руль. А Чащин остался стоять возле своей машины. Олег поехал по прямой, рассчитывая свернуть в конце улицы, а он все стоял, пока не исчез из виду.

В конце улицы перед самым поворотом, в отдалении от соседних домов стоял выдающихся размеров особняк с двумя круглыми башнями. На нем и заканчивалась улица, дальше начинался лес, который огибала дорога.

Асфальт закончился, началась хорошо укатанная гравийка. Закручиваясь по спирали, она возвращала машину в город.

– Ты правильно сделал, что отказался. – Знаменова придала голосу фирменную твердость, но все-таки в нем угадывалась неуверенность и даже растерянность.

– Мутный тип.

– А если это он зарезал Грибова?

– Я тоже так почему-то подумал.

– Он сам похож на оборотня.

– Хотелось бы обойтись без мистики.

– Да, на вещи нужно смотреть реально, – кивнула она.

– Но почему Варнавину и Сайко убили в полнолуние?

– И почему Чащин так уверен, что Грибова убил оборотень?

Пахомов остановил машину, набрал полные легкие воздуха и резко выдохнул. Какую-то чушь они с Татьяной сейчас нагородили. Под впечатлением они, нужно успокоиться, а то завтра самим будет стыдно за себя.

– Что с тобой? – Знаменова встревоженно смотрела на него.

Она пыталась казаться «железной леди», но сейчас это у нее не очень хорошо получалось. Олег видел перед собой если не напуганную, то, уж во всяком случае, встревоженную женщину. И растерянную.

– У Чащина глаза желтые. Как у волка, – сказал Пахомов.

– И что это значит?

– Это игра света. Улица очень хорошо освещена. Элита на этой улице живет. А элита о себе заботится. И Чащин у нас элита. И дом с башнями – его дом. Особый дом. И сам он особый. Я не удивлюсь, если это он город под собой держит.

– Я бы тоже не удивилась, – сказала Татьяна.

Но вид у нее был слегка удивленный. И удивлялась она, возможно, самой себе. Похоже, она не могла понять, как повелась на Чащина, возможно, даже очаровалась им. Да и волк на крыше произвел сильное впечатление, а ведь она не слабонервная.

– Откуда у Чащина дом на Новой улице?

– Хотелось бы знать.

– Мазай для прикрытия, а Чащин у руля. И о его мафии никто ничего не знает. Какими силами он располагает, какими деньгами крутит. Не говоря уже о системе, по которой с завода уходит золото. А оно уходит – через улицу Новую.

– Надо разбираться.

– Этого Чащин и боится. Мы для него здесь как заноза. Как тромб, который может оборваться…

– Может, и не Чащин. Может, кто-то другой здесь главный.

– В любом случае он важное звено в этой системе, – кивнул Олег.

– А мы эту систему можем сломать.

– Потому он и валит все на оборотня.

– А совпадение по датам? Варнавину в полнолуние убили…

– А Калинкину нет… Калинкину могли убить отморозки Чащина. Или Мазая. Или кто там у них главный…

– А Грибова мог убить сам Чащин.

– Вот!

– Нужны доказательства. И Чащин боится, что мы взбаламутим его болото. А мы можем…

Пахомов кивнул. Костя Духов и Лева Черновицын – опера боевые, опытные, с ними не пропадешь. Да и сам он не промах.

– Варнавина работала на комбинате, и Сайко работал на комбинате, – продолжала Татьяна. – Она в бухгалтерии, он на карьере. Возможно, через них проходил канал утечки золота.

– Возможно.

– Если здесь собака зарыта, как ее откопать?

– Утро вечера мудренее, – сказал Пахомов, останавливая машину возле гостиницы.

– Да, конечно.

Он заглушил двигатель, помог Татьяне выйти из микроавтобуса, поставил его на сигнализацию.

Они вместе прошли мимо ресепшена. Миловидная девушка улыбнулась им. Олег подмигнул ей, а у самой лестницы обернулся и увидел, как администратор, глядя им вслед, снимает трубку телефона.

И кому это, интересно, она докладывает об их возвращении, уж не Чащину ли?.. Впрочем, Пахомов был готов к тому, что все в этом городе будет против них. Тот же Тернов мог повести себя как враг…

Олег проводил Татьяну до номера и собрался уходить.

– Ты знаешь… – с непривычным для нее чувством неловкости сказала она и запнулась.

Он остановился, повернулся к ней.

– Этот волк стоит у меня перед глазами.

– Страшно? – улыбнулся он.

– Да как-то не по себе…

Пахомов кивнул, открыл дверь, пропустил Татьяну вперед и зашел в номер вслед за ней. И дверь за собой закрыл. Если женщине страшно, мужчина должен ее успокоить. А процесс этот сложный и непредсказуемый. И, возможно, еще затяжной.

– Есть люди, которые волков вместо собак держат. Охотники, например.

– Волк тебя испугался, – сказала Знаменова без привычного металла в голосе. – Я видела.

– Чащина испугался.

– И Чащина тоже.

– Но я же не оборотень, – улыбнулся Олег.

– Да, но есть в тебе что-то волчье.

– Не знаю.

– Я знаю.

Они стояли близко друг к другу, лицом к лицу. Татьяна прикрыла глаза, потянулась к нему. Щекотливая ситуация, можно даже сказать, опасная. Вдруг у Олега есть женщина, которой он не мог изменить? Вдруг у него нет никакого желания крутить служебный роман? Если он не откликнется на призыв Татьяны, она не простит ему этого. Но у него не было женщины, и служебный роман – очень хорошо. Тем более этот роман мог перерасти в нечто большее.

Их губы встретились. Превращаясь в робкую и беззащитную женщину, Татьяна нежно обвила руками его шею, и Олег поплыл. Он уже был готов утонуть вместе с ней, когда она вдруг оттолкнулась от него.

– Я сейчас! – Татьяна нежно улыбнулась, не глядя ему в глаза.

И упорхнула в ванную. Только она ушла, как в дверь постучали.

Открывая дверь, Олег уже знал, кто за ней стоит, поэтому не удивился, увидев Чащина. Как будто какое-то седьмое чувство подсказало ему. И подсказало уверенно.

– Где Знаменова? – спросил Чащин, исподлобья глядя на него.

– Я за нее.

– Ну, может быть.

– Я вас внимательно слушаю.

– Не здесь. Пошли в бар спустимся.

Пахомов нахмурился. Он так близко подступил к Татьяне, осталось совсем чуть-чуть, и тут вдруг появляется буксир, который пытается оттолкнуть его в сторону. Как тут не злиться?

Но и послать Чащина нельзя. Вдруг он собирается сказать что-то важное? Что, если завтра он уже не захочет открыться перед Пахомовым?

– Я сейчас, – закрывая дверь, сказал Олег.

Он сказал Татьяне, куда уходит, и пообещал вернуться как можно скорей. А когда вышел в коридор, Чащина там не было.

Он сидела за стойкой в пустующем баре. Официант угодливо улыбался, наливая ему. Пахомов подошел, сел.

– Водка, виски, коньяк, ром, джин? – осведомился бармен.

– Водки. Грамм сто.

– От тебя коньяком пахло, – сказал Чащин. – Коньяком и продолжай. За мой счет.

Он заплатил бармену за бутылку «Реми Мартин» двадцать тысяч, не испытывая при этом ни малейшего сожаления. Бутылку он велел оставить, а бармена попросил исчезнуть, и тот даже не пикнул в знак протеста. И денег у Виктора Борисовича много, и власть реальная.

– А у тебя нюх хороший, – сказал Олег, когда официант исчез.

– Как у оборотня… – усмехнулся Чащин. – А может, я и есть оборотень.

– Ты хотел в чем-то признаться?

– Все-таки подозреваешь меня.

– А у меня есть основания?

– Оснований нет. И не будет. А если ложный след возьмете, зачем вы тогда приезжали? Команда у вас, я смотрю, серьезная… Но думаю, ничего такого больше не случится.

Чащин разлил коньяк по бокалам и выпил, не дожидаясь Олега. Затаил дыхание, закрыл глаза, прислушиваясь к запаху и ощущениям. Олег тоже выпил. Коньяк действительно великолепный.

– А может случиться? – спросил он.

– Весна еще не закончилась, а преступник все еще на свободе. Хитрый преступник, коварный. Его голыми руками не возьмешь.

– А весна закончится, и все прекратится?

– Надеюсь. Если у человека психическое заболевание, весной оно обостряется, а к лету входит в стадию ремиссии.

– То есть убийца – псих?

– А кто в здравом уме будет убивать кого ни попадя.

– Так все-таки псих или оборотень?

– Нет никакого оборотня. Есть псих… А если есть оборотень, значит, он псих. – Чащин снова выпил, не чокаясь.

– А если не псих и не оборотень? Если местная мафия резвится?

– Какая здесь мафия? – поморщился Чащин. – Я тебя умоляю, майор!

– Мазай, например.

– Мазай… Дед Мазай и зайцы. Кто там с ним, два-три зайца? И тем прыгать не даем. В городе у нас порядок – ни убийств, ни грабежей. Ну, до недавнего времени…

– Для кого порядок?

– Для людей.

– Для тех, которые на улице Новой живут?

– Для всех людей…

– Видно, на комбинате миллионы платят, если эти «все люди» такие дома на Новой строят.

– Злой ты, майор, – с осуждением качая головой, сказал Чащин. – С тобой как с человеком, а ты в бутылку лезешь.

– Да как-то странно все.

– Что странно?

– Да все странно. А мы еще даже работать не начали.

– Убийцу нужно искать, а вы на улицу Новую лезете.

– А если убийца там живет?

– Может, и там… Я же тебе не зря на волка показал. Может, хозяин этого волка шалит… – Чащин взял паузу, ожидая реакции со стороны собеседника.

Но Пахомов промолчал. И выпил. Похоже, Чащин действительно боялся, что следствие свернет на улицу Новую и перевернет вверх дном весь калашный ряд. И такие свиные рыла оттуда полезут… Боится Чащин, потому и кормит всех оборотнями да психами. На хозяина волка вот собирается стрелки перевести… Варнавину отрабатывать надо, Сайко – всех, кто там еще мог иметь отношение к драгметаллам. Пробивать связи, находить частности, выводить из них общности, глядишь, пазлы и сложатся в картину.

Чащин выпил, немного подождал и снова потянулся к бутылке. Он молчал, ждал, когда заговорит Пахомов. Но тому не о чем было говорить с человеком, которому невыгодна правда. Для того Чащин и пришел, чтобы запудрить ему мозги. Поэтому допрос ни к чему не приведет, а раз так, то лучше молчать.

Олег выпил, поднялся со стула.

– Пойду я.

– Уже? – Чащин мрачно глянул на него, с напряжением думая о чем-то своем.

– Пора.

– Ну, давай… Завтра ко мне, как обещали.

Чащин снова потянулся к бутылке. Пахомов еще не ушел, а он уже, казалось, потерял к нему интерес.

Знаменова встретила его в халате на голое тело. И не позволила ему рассказать про Чащина. Не для того она ждала, изнывая от волнения. Не для того готовила постель…

Она оказалась страстной женщиной. И в постели была настолько же горячей, насколько могла казаться холодной в жизни. А когда страсти утихли, Олег понял, что в его жизни начинается новый этап. И хорошо, если никто и никогда не разлучит его с Татьяной.

Глава 4

Над ухом зазвенело, в ожидании укуса дрогнул нерв. И только комар коснулся щеки, как рука сама по себе пришла в движение и прихлопнула крылатого наглеца. В тот же момент и Татьяна шлепнула себя по щеке. Это было бы смешно, если бы не было печально. Вокруг тайга с ее комариными полчищами, а посередине – покойник. Егеря истыкали ножом в нескольких шагах от его избушки. Это случилось ночью, а тревогу подняли днем. До Знаменовой информация дошла с запозданием. Пока добрались до места, уже и вечер на носу.

На месте работала местная следственно-оперативная группа. Следователь в деле, криминалист, судмедэксперт, оперативники – все как положено. Знаменова здесь как будто и не нужна. Да и Олегу со своими помощниками делать здесь нечего. Работа со свидетелями отпадает по причине отсутствия таковых. Кого искать? За кем бегать? Тем более что след преступника давно уже остыл.

– Бортников Юра, – сказал Тернов, кивнув на израненный труп. И показал большой палец правой руки. – Вот такой мужик был!.. Кедровочку какую гнал! Любо-дорого!..

– Может, выпивал с кем? – спросил Пахомов.

Он уже был в избушке. Вещи на месте, не разбросаны, никаких следов пиршества. Кровать разобрана, и сам егерь был в исподнем. Набросил ватник, сунул ноги в сапоги, пошел открывать дверь.

Крови на пороге не было, след начинался метрах в двух от дома.

– Да нет, он по вторникам не пил. Ну, если только в одиночку. Или с волками.

– С волками?

– Ну, это я в шутку… Волков отстреливать время от времени нужно, а Юра не любил это дело. Он волков не трогал и другим обижать не позволял. Он их не трогал, и они с ним в мире жили… А люди к нему по пятницам ездили. – Тернов кивнул в сторону баньки, которая стояла в стороне от дома, у ручья, из которого можно было брать воду.

– Может, в баньку кто-то приехал?

– Может быть.

– Своему он кому-то открыл, – сказал Пахомов.

– Свои не убивают, – качнул головой Тернов. – Убить мог тот, кого он за своего принял.

Тело было изранено со всех сторон. И в живот били, и в спину. И пока трудно судить, куда нанесли первый удар. Возможно, в живот. Если так, то ударили неожиданно. Бортников явно не ожидал подвоха.

– И кто это мог быть?

– Если бы я знал, меня бы здесь уже не было, – усмехнулся Тернов.

– Он один здесь работал?

– Один. Один как бобыль. Ему помощника предлагали, отказался.

– Почему?

– Ну, во-первых, помощник непутевый. А во-вторых, он одиночество любил.

– Холостой, разведенный?

– Да была у него баба. В Косовке, здесь недалеко… – в раздумье нахмурился Тернов. – Может, из-за нее?

– Замужем баба или так?

– Вдова. Алла Голикова. Местная колдунья.

– Колдунья?

– Мужиков только в путь околдовывает. К ней на отшиб не только Юра захаживал… А знаешь, съезжу-ка я в Косовку!.. Лепехин!

Тернов взял с собой опера и был таков. Пахомов с ним не поехал. И надо было бы с местной охотницей на мужиков поговорить, но не хотелось оставлять Татьяну без прикрытия. И вообще, нельзя группу распылять. Чутье подсказывало, что им нужно держаться вместе.

Пахомов направился в баню, внимательно глядя себе под ноги. Мало ли, вдруг следы крови обнаружит или даже окровавленный нож. Но ничего подозрительного на пути не попалось, и в бане было чисто. Печь холодная, сухие дубовые и можжевеловые венички гроздьями в предбаннике висят, источая крепкий аромат сухих листьев и хвои.

И доски в бане сухие. Воды в котле и в кадушке нет. Как минимум два дня здесь не парились. И не готовились к банному дню.

Он собирался выходить, когда появилась Татьяна. Прижалась к нему в предбаннике, поцеловала в губы, но тут же отстранилась.

– Запах какой!

Она протянула руку, пощупала ближайший к ней можжевеловый веник.

– И комаров почти нет.

– Точно, нет!

– Хвойный запах комаров отгоняет. А если веничек еще и пожечь, их совсем не будет.

– Ну, жечь пока не надо, – сказала Татьяна, опускаясь на лавку в предбаннике. – И так хорошо.

Олег сел рядом, обнял ее, она положила голову ему на плечо.

– Хорошо здесь, уходить не хочется.

– Можно заночевать. И баньку затопить.

– Ну нет! – встрепенулась она.

– Душу неприкаянную боишься или оборотня? – усмехнулся он.

– Ну, с душой бы я поговорила, может, узнала бы что. А насчет оборотня…

– Или психа.

– Или психа, – кивнула Татьяна. – Восемнадцать ударов ножом – зачем такая жестокость?

– Чащин в гостинице ночь провел. Надрался в хлам и спать лег.

– Все-таки на Чащина грешишь?

– Он сказал, что весна еще не закончилась. Сказал, что еще всякое случиться может. Случилось… То ли накаркал, то ли заказал…

– Кого заказал? Бортникова? Зачем?

– А чтобы подозрения от себя отвести. Он же в гостинице ночевал, и это легко подтвердить. Камеры там, все такое…

– Да нет, вряд ли… – качнула головой Знаменова.

– Так я не утверждаю, я предполагаю.

Дверь открылась, в проеме показался Духов:

– А-а, вот вы где!

– Ты или заходи, или дверь закрывай, – сказал Олег.

– Ехать пора. Местные уже загрузились.

– А труп? – поднимаясь, спросила Татьяна.

Спецмашина, которую ждали, так и не появилась. Но следователь Ирошников принял волевое решение: он велел упаковать покойника и поместить его в свой микроавтобус.

Вместе с телом уехали все местные сотрудники. Остались только московские.

– И мы поедем, – сказала Знаменова, глядя вслед уезжающей «Газели».

Группа погрузилась в микроавтобус, Черновицын сел за руль. Духов открыл окно, с затаенной иронией нашептал на свою ладонь и подул на нее.

– Что это значит? – насмешливо спросил Олег.

– Да вот, вопрос здесь оставил. Зачем, спрашивается, вообще сюда приезжали?

– Кому ты вопрос оставил, с того и спрашивай. Жди, когда леший тебе с ладони ответ надует.

– Леший?

– Ну, ты же лешему вопрос оставил.

– Да ну вас к лешему! – воскликнул вдруг Черновицын.

И судя по звучанию его голоса, расстроен он был всерьез.

– Что случилось? – забеспокоилась Знаменова.

– Да не заводится! – Лева провернул ключ в замке зажигания, но стартер не подавал признаков жизни.

– Аккумулятор сдох? – спросил Духов.

Черновицын предпринял очередную попытку, но так ничего и не добился.

– Толкнем!

Дорога шла слегка под уклон, коробка передач в машине механическая, поэтому завести двигатель можно было с толкача. Но, увы, не получилось. Видимо, искра потерялась где-то в проводке. А может, свечи навернулись.

– И что делать? – спросила Татьяна.

– Эвакуатор вызывать.

Что-то подсказывало Пахомову, что поломка не случайна. Возможно, кто-то нарочно вывел машину из строя. Но зачем? Может, кто-то из местных пошутил? Чтобы московских позлить. Хорошо, если так.

– Нет зоны действия сети. – Знаменова щелкнула пальцами по дисплею своего мобильника.

– Меня это почему-то не удивляет.

Машина сломана, связи нет, а уже темнеть начало. А до города километров тридцать. До ближайшей деревни, куда уехал Тернов, километров десять, но по пути к ней можно заблудиться. Еще немного, и лес погрузится в темноту, наполненную злобными насекомыми.

– Как же Бортников с миром общался? – спросил Духов. – Может, у него спутниковый телефон был? Или хотя бы радиостанция?

Но ничего такого в доме не нашлось.

– Может, лешего снарядить, он вмиг до города доскачет, – пошутил Духов.

Но вместо улыбок вызвал этим только косые взгляды. Какие-то уж очень невеселые шутки у него. Но винить его, в общем-то, не в чем. Про лешего первым заговорил Олег. Может, потому и машина не завелась.

– Здесь заночуем, – осматривая дом, сказала Татьяна.

Печь делила избу на две части: в одной половине Бортников спал, в другой у него стояла простейшая одноконфорочная плита, подключенная к баллонному газу. Стол здесь был, скамейка, на полках стояли жестяные банки с крупой, мукой и солью. А в погребе нашелся целый ящик с тушенкой и несколько банок с соленьями.

– Кашеварить буду я, – сказала Знаменова, с мягкой улыбкой глянув на Олега. – На тебе – охрана и оборона.

– Это само собой.

Хорошо, если двигатель вывели из строя злые шутники. А если кто-то заманивал их в ловушку, которой могла стать эта деревянная изба? Ее могли закупорить со всех сторон, обложить хворостом и поджечь. Вряд ли это кому-то нужно. Зачем тому же Чащину убивать «важняков»? Кроме жестокого геморроя он ничего этим не добьется… Но в любом случае ушки нужно держать на макушке.

Дом был без электричества, но в сарае стоял старый, возможно, еще с довоенных времен, дизельный движок, подключенный к генератору. Его завели, в дом подали свет, Черновицын настроил маленький черно-белый телевизор.

Но очень скоро Пахомов решил выключить генератор: слишком уж громко он работал. Этот звук вызывал чувство дискомфорта, казалось, что к дому кто-то незаметно подкрадывался. К тому же свет в доме притягивал комаров, от которых уже не спасали еловые ветки, которые нарубил Духов – и для запаха, и себе на постель.

Спать легли в десятом часу. Первое время Татьяна сторонилась Олега, но потом все-таки подлегла к нему. Их отношения уже перестали быть тайной, глупо было стесняться. Тем более спали они в одежде.

Черновицын таился где-то возле дома, высматривая возможную опасность, Духов ворочался на своих еловых лапах, накрытых брезентовым плащом.

– У тебя что, вши завелись? – спросил Олег.

– Нервные… И как люди в старину жили? Без света, без канализации…

– Зато в семье по семь-восемь детей было.

– Если я вам мешаю, так я выйду, – сказал Костя.

– Кто тебе сказал, что мешаешь? – усмехнулся Пахомов.

– А я опер или где? У меня дедукция, как у молодого… Может, правда, на холод сходить?

Духов поднялся, надел плащ, на котором лежал, и направился к двери.

– Тихо там на улице, внимание не привлекайте.

Олег служил в спецназе МВД, участвовал в боевых рейдах по вражеским тылам. Он знал, как подкрадываться к объектам противника, как снимать часовых. И он откровенно не понимал командиров, которые выставляли часовых чисто для проформы, заставляя их двигаться по заданному маршруту. В боевых условиях часовой не должен находиться на виду, нельзя ему привлекать к себе внимание. Не зря же существует такое понятие, как «секрет». Охранение должно вестись тайно, скрытно. Именно такую задачу и получил Черновицын. Он мужик исполнительный, за него можно не переживать, да и Духов сомнений не вызывал.

– А мне здесь нравится, – прижимаясь к Олегу, прошептала Татьяна. – Жила бы здесь с тобой и ни о чем бы не жалела.

– А как же служба?

– Ну, в городе, конечно, лучше… Если, конечно… – Она запнулась.

– Что конечно?

– А вдруг ты меня оставишь? – Ее голос дрогнул.

– Мне уже тридцать пять. Пора остепениться.

– Да, это хорошо… – в раздумье, неторопливо проговорила она.

– В любви я тебе признаюсь потом. Когда выберемся отсюда.

– Не надо признаваться. – Татьяна еще крепче прижалась к нему. – Если любовь есть, то не надо… И я буду молчать… Пока мы не выберемся отсюда, буду молчать, – немного подумав, добавила она. – Уже молчу…

Она задвигала тазом, притираясь к нему всем телом, устроилась, закрыла глаза и затихла. Даже в темноте была заметна улыбка на ее губах. Так бывает с женщиной, которая нашла свое счастье. И Пахомов улыбнулся ей. Именно такая женщина ему и нужна, и хорошо, что, наконец, они вместе. И ничего не случится с ними. Если и есть мафия в Волкобойске, то все равно над городом светит счастливая звезда, и под ней не может случиться беды.

Завтра за ними приедут, они вернутся к работе, раскроют преступления и уедут в Москву. Но в любви Олег признается еще до того. Он очень быстро созреет для этого. Есть чувство, что это случится завтра. Или даже сегодня. Если, конечно, он не заснет…

А спать надо: через три-четыре часа на пост. Если разбудят. А то вдруг заснут черти…

Но Духов не заснул. Он тихонько зашел в дом, приблизился к Олегу, тронул его за плечо. Пахомов резко распахнул глаза, но Костя уже куда-то исчез.

Ночь, в окно льется мягкий лунный свет, в котором плавают тени от веток. Олег лежал на спине, в обнимку с ним тихо посапывала Татьяна. А где Костя? Олег видел, как он входил в дом, шел к нему. Он «видел», но глаза тем не менее раскрыл. Значит, он лежал с закрытыми глазами. Он не мог видеть Духова. Привиделось ему все.

Духова не было в доме. И место на печи, которое облюбовал для себя Черновицын, пустовало. Пахомов глянул на часы – половина второго. Это время, когда ему нужно заступать на пост. Но почему его не будят?

Олег тихонько поднялся, стараясь не будить Татьяну.

– Ты уходишь? – переворачиваясь на другой бок, спросила она.

– Я скоро. Отслужу, как надо, и вернусь.

– Я жду, – снова засыпая, пробормотала она.

Олег поправил на ней одеяло, вынул из кобуры пистолет, снял его с предохранителя, но, прежде чем передернуть затвор, вынул обойму. Патроны на месте. Что это с ним? Что за глупая перестраховка? Куда могли деться патроны?..

Олег осторожно вышел из дома. Тихо вокруг, только слышно, как деревья перешептываются на ветру. Но где же Костя? Где Лева? Неужели заснули?.. Олег поежился. Слишком холодно для сна. Холодно, промозгло, ветрено, зато комаров нет. Может, пригрелись мужики спина к спине да заснули? Или в баньке закрылись…

Но до баньки Олег не дошел. На полпути к ней, прямо на тропинке лежали в обнимку два человека. И оба в таких же брезентовых плащах типа «Кузьмич», в которых были Черновицын и Духов. Все-таки пригрелись. Но почему легли? Да как некрасиво легли, не по-мужски. Баня рядом, а они прямо на дороге разлеглись. Что-то здесь не то.

– Черновицын! Духов! – командным голосом окрикнул Олег.

Но никто из лежащих даже не шелохнулся. Не могли мужики спать так крепко. Что-то случилось с ними… Если вдруг их убили, то почему они лежат так странно? Уж не ловушка ли это? Олег подойдет к телам, наклонится, а сзади его ударят. Может, уже пора развернуться?

Сначала он выбросил назад руку с пистолетом, затем развернулся. И увидел кустообразное существо, в глазах которого отражалась луна. Это был человек в лохматом маскхалате типа «Леший». В руке у него был пистолет с глушителем. Все это Пахомов разглядел и оценил в течение секунды. Но, увы, этого времени не хватило, чтобы произвести выстрел. «Леший» выстрелил раньше, и пуля мощно ударила Олега в грудь. Вот тебе и счастливая звезда…

Глава 5

Сознание выплыло из вязкой трясины вместе с болью. Выплыло и снова погрузилось в булькающую тьму, но память успела запечатлеть картину из движущихся расплывчатых контуров. Дом в темноте, какие-то люди выносят из него чье-то тело.

И снова боль всколыхнула сознание. На этот раз Олег даже услышал чей-то голос. Кто-то кому-то что-то выговаривал, слов он, правда, не разобрал.

Он лежал на тропинке рядом с телами своих друзей. Враг где-то возле дома, освещенного светом фар. Слышен звук мотора. Негромкие голоса, тени… Черновицын и Духов погибли, Олега считают мертвым, беспомощную Татьяну вытащили из дома. Возможно, вынесли ее труп. Где она сейчас? Что с ней? Ответы на эти вопросы Олег получить не мог. А пулю – запросто.

Пахомов не хотел, чтобы его добивали. Он готов был драться, но у него не было пистолета. Оружие забрали, а его оставили умирать. Без пистолета он как без рук. Без пистолета Татьяну не спасти. Тут бы самому ноги унести. Отлежаться, набраться сил и тогда уже вернуться на тропу войны. Так у него будет хоть какой-то шанс вернуть Татьяну. Если она жива…

Олег ощутил в себе силы подняться, встал на ноги и, шатаясь, шагнул в сторону бани. На ходу провел рукой по груди, которую изнутри сжигала волнами вздымающаяся боль, в отсветах фар увидел кровь на пальцах. Да, пуля попала в грудь, но, видимо, не задела сердце. Раздробила кость, вошла вглубь, как минимум задела легкое. Дышать жуть как тяжело. Воздух вырывается из пробоины, как пар из паровозной топки. Но поршни в движении, баня все ближе. А за баней тропинка, которая спускается к ручью. Перемахнуть через ручей, углубиться в лес…

За спиной слышны голоса. Один что-то говорил, другой смеялся. Хотел бы Олег посмеяться последним. Вдруг ему повезет?

Едва передвигая ноги, он зашел за баню, но не удержал равновесия. Упал, тут же поднялся, продолжил путь. Через ручей были проложены деревянные мостки, но Пахомов не смог устоять на них. Ледяная вода обожгла его изнутри, вытолкнула из ручья на берег. Взгляду майора открылась тропинка, которая уходила в лес. Тропинка, которая должна была стать для него дорогой спасения.

Пока вроде бы никто не гнался за ним, но скоро его хватятся. Обязательно хватятся.

Олег спешил, с трудом переставляя ноги, переходя на бег, теряя силы и сознание. Сознание кувыркнулось в кусты, но тело продолжало движение. Возможно, сознанию стало стыдно, и оно вернулось еще до того, как Олег упал. Вернулось и подало спасительную мысль. Нельзя бежать по тропинке, нужно свернуть с нее и бежать куда глаза глядят. Только так он сможет сбить со следа погоню, которой не миновать.

Без тропинки ноги вязли в траве, спотыкались о гнилушки. Олег падал, поднимался, шел дальше. Бежать он уже не мог, тут бы вообще на ногах удержаться.

Не удержался. И почва под ногами твердая была, ровная, и корни из нее не торчали, но все равно споткнулся он. И упал. Попробовал подняться, бесполезно. Все, приехали. Еще чуть-чуть, и сознание угаснет окончательно.

Вдруг как будто что-то вспыхнуло. Олег увидел прямо перед собой дерево с обнаженными корнями, между которыми виднелся лаз. Что это? Волчья нора? Может, в ней можно спрятаться? А если там волки?

Но вряд ли. Олег не мог уйти далеко от егерской избушки, значит, она где-то рядом. А волки, чтобы о них там ни говорили, людей боятся и селятся подальше от них. Не может здесь быть волков. Видимо, это старая нора…

Олег собрался с силами, напряг их последние остатки, кое-как влез в нору. Чем глубже она уходила, тем шире становилась. И это пугало. Что, если в этом логове обитал матерый самец? Впрочем, в нынешнем своем состоянии Олег мог стать добычей даже для слабого волчонка. А волчицы уже ощенились…

Олег истекал кровью, силы оставляли его, даже обоняние отказывало. И все-таки он уловил запах волка. Видимо, это была обитаемая нора. Значит, нужно уматывать отсюда, пока не поздно. А лаз уже настолько расширился, что в нем можно было развернуться. На один только разворот сил и хватило.

Олег повернулся лицом к выходу и затих. Теряя сознание, он успел подумать о том, что в чувство больше не придет. И крови совсем не осталось, и жизненные силы иссякли. Так здесь и умрет. А волки раздерут его тело на куски…

* * *

Чащин смотрел из темноты, глаза его светились как адские угольки. Олег не видел его лица, но зловещая улыбка на тонких губах угадывалась интуитивно. И еще Пахомов чувствовал боль. Кто-то грыз его ноги, тщетно, но настойчиво пытаясь вырвать из него куски мяса.

И Чащина никакого нет. На Олега смотрел волк. И не зловещая улыбка у него, а кровожадный оскал. Слышно было рычание и запах падали изо рта. Еще мгновение-другое, и волк нападет. А волчата уже грызут ноги своими мелкими зубами.

А сопротивляться нет сил. Хотел Олег того или нет, но для волка он легкая добыча. Хорошо, если острые зубы сразу вонзятся в сонную артерию. Умереть без долгих мучений – это все, на что он мог рассчитывать.

А как же Чащин? Он убил Костю и Леву. Возможно, и Татьяны уже нет в живых. И кто ему отомстит за смерть дорогих людей?.. А если Татьяна все-таки жива, кто спасет ее?..

«Волк тебя испугался… Я видела»… Татьяна не звала на помощь, она улыбалась, с затаенной нежностью глядя на Олега. Он увидел перед собой картинку вчерашней давности, услышал голос любимой женщины. А волк с Новой улицы его действительно испугался. И Татьяна это видела, и он сам это понял. Сначала волка смутил Чащин, а потом и Олег. Но Чащин – оборотень, у него есть власть над волками. Но и Олег мог повести себя как волк. Он должен это сделать, если хочет спасти Татьяну.

Он вдруг вздыбился, оскалился, зарычал. Сил у него – с кулачок, не больше, их не хватит на долгую схватку, значит, нужно самому с ходу вгрызаться волку в горло. Кто там, самец или самка – не важно. В горло, зубами грызть, рвать без пощады. Только так можно победить. Только так можно выжить…

Олег рванул вперед, но волк на сближение не пошел. Он сдал назад, но при этом сжался, как пружина. Сейчас эта пружина разожмется, и последует бросок. И не факт, что Олег его выдержит. Значит, нужно нападать самому. Он снова бросился на врага, но волк не выдержал остроты момента, еще дальше сдал назад. Щенки продолжали рвать зубами ноги человека, но их можно понять: они маленькие, бестолковые, не знают, с кем имеют дело. А волк уже понял, что майор Пахомов на все сто уверен в своей победе.

– Стоять!

Олег снова набросился на волка, пытаясь обхватить его за шею. И плевать на острые зубы и когти. Он будет убивать, и все равно, какой ценой достанется ему победа.

Волк цапнул за плечо, но Пахомов смог схватить его за шею. А удержать не смог. Волк оттолкнулся от него лапами, шарахнулся назад, в движении развернулся и бросился прочь.

Олег упал, вытянув за ним руки. В гаснущем сознании мелькнула мысль: видно, это был самец. Мать бы ни за что не оставила своих волчат, она бы билась до последнего…

Он уже проваливался в небытие, не обращая внимания на щенков, как вдруг где-то неподалеку грохнул выстрел. И послышался визг. Это пуля попала в волка. Снова послышался выстрел, визг прекратился. Щенки оставили Олега в покое, рванули к выходу. Одни пробежали мимо, другие – прямо по нему.

– Только волков здесь не хватало, – донеслось до майора.

– Смотри в оба… Эй, смотри!

И снова загромыхали выстрелы. Один волчонок в страхе бросился назад, перескакивая через Олега, а остальные остались возле своего родителя. Когда выстрелы отгремели, наступила полная тишина. Не скулили волчата – их всех убили. Хотя, может, кто-то и сбежал.

Кто-то очень близко подошел к волчьему лазу.

– Может, он в норе? – Голос прозвучал как будто над ухом.

– Какой на хрен в норе! Там же волки!..

– Ну да.

Люди ушли, голоса стихли, а Олег провалился в беспамятство. Вместе с сознанием угасала и надежда на спасение. Он отогнал волка, подставил его под пули, а дальше что? Простреленный организм обескровлен, сил уже нет. Сам он из норы не вылезет, значит, здесь и умрет…

* * *

С потолка свисали какие-то хвосты, метелки. На одну веревку были нанизаны сушеные уши летучих мышей. Возможно, это были не уши, а что-то другое, но пахло от них жутко. Все это – и звериные хвосты, и травяные метелки – спускалось с потолка прямо на лицо, на тело. Вонь от них такая, что нос в самую пору затыкать. А само тело было обложено кусками сырого мяса, поросшего волчьей шерстью. На груди эта дрянь, на ногах… И все это так противно, так мерзко. Но как бы то ни было, жизнь в теле теплилась. И сознание неплохо себя чувствует, если способно возмущаться. Рана в груди не болела, и ноги Олег чувствовал.

Он мог стряхнуть с себя вонючие куски, расталкивая головой хвосты и метелки, подняться с жесткого ложа, но зачем? Он же не просто так здесь оказался. Кто-то вытащил его из норы, принес в эту избушку с закопченными стенами.

В странном жилище никого не было. Но здесь было тепло. В открытом очаге горел огонь, дыма почти не было – он выходил в дыру, проделанную в потолке. Но стены здесь тем не менее темные от копоти. Под потолком тянулись веревки, на которых сушились пучки трав, цветов, грибы на ниточках – возможно, поганки. Но больше всего метелок висело над лицом Олега. А волчий хвост касался носа, стоило лишь чуть-чуть поднять голову.

И еще он понял, что лежит совершенно голый. А вместо фигового листочка – клок волчьей шкуры с мясом. От этого открытия его едва не взорвало изнутри. Так захотелось подняться, отряхнуться. А вдруг это его убьет?..

– Э-эй! – тихо позвал он.

Но дверь не открылась, в хижину никто не вошел.

– Эй, есть кто живой? – громко спросил он.

– Ожил, болезный! – прокряхтел чей-то низкий, сипловатый голос.

Груда хлама возле печи зашевелилась, показалось морщинистое лицо. С деревянного, чем-то напоминающего трон кресла поднялась старуха с грязными косматыми волосами. Тряпье на ней было настолько ветхим, что перед глазами живо встало лесное существо, которое стреляло в Олега. Уж не эта ли бабка была там у егерского дома?..

– Вы кто? – спросил Олег.

Старуха как будто не услышала его. Подошла, сняла кусок мяса с груди, осмотрела рану, покачала головой. И снова положила его на место. Видно, не зажило там. Да и не могло зажить. Пуля застряла где-то в груди, тут операция нужна, а не волчье мясо.

И откуда это мясо взялось? Что, если это останки убитого бандитами волка?..

– Где я?

Но старуха не отзывалась. Может, глухая?

– Есть хочешь? – спросила она.

Олег кивнул.

– Это хорошо.

Она подала ему какое-то варево в глиняной кружке. Олег отпил немного и скривился от отвращения. Там и горечь, и тухлятина.

– До дна нужно. До дна.

– Что это? – спросил он, подозрительно глядя на нее.

– Пей.

Старуха смотрела на него спокойно. Когда она поднесла к его губам кружку, гортанные мышцы расслабились будто сами по себе. И глотательный рефлекс сработал. Олег выпил все до дна. Только тогда ее взгляд отпустил его, и он смог выплеснуть свое возмущение.

– Что там было?

Старуха повернулась к нему спиной, шагнула к своему «трону».

– Что там было, спрашиваю?

– Не кричи, не глухая… – поморщилась она, усаживаясь в шаткое кресло, сплетенное из неошкуренных веток. – Трава там была.

– Какая?

– Волчья.

– А есть такая трава?

– А откуда волки силу берут?.. И трава там волчья, и кровь волчья.

– Кровь?! – брезгливо скривился Олег.

Но при этом он не чувствовал отвращения, и тошнота к горлу не подступила.

– А это? – Он взялся пальцами за клок шерсти, чтобы сбросить с груди протухшее мясо.

– Сдохнуть хочешь? – нахмурив брови, спросила старуха.

И снова посмотрела на него, подчиняя своей воле.

– Не хочу, – опуская руку, сказал Олег.

– Тогда спи. Тебе надо.

– А поесть? – спросил он.

– Спи.

Ему действительно хотелось есть. Даже вонь тухлого мяса не отбивала аппетит. Но спать хотелось больше. Глаза закрывались сами по себе.

* * *

Волчье мясо тухло, разлагалось, в рану попадал трупный яд. И как таким лекарством можно было вылечиться? Эта мысль прострелила сознание, Олег скинул с себя тухлятину, поднялся на ноги. Голова закружилась, его сильно качнуло, но все-таки он удержался на ногах. Кресло у очага пустовало, старухи нигде не было. Да и огонь не горел. И ощущение такое, будто он погас уже давно.

Олег восстановил равновесие, осмотрелся в поисках зеркала, но ничего такого не нашел. Он стряхнул с себя всю «народную медицину», снова осмотрелся – на этот раз он искал одежду. Но не было ничего, даже чужого тряпья не нашлось.

Ступни ощущали холодный пол из сухой, хорошо утоптанной глины. В окно светило солнце, а в жилище студено, сыро. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как сгорели дрова в очаге? А может, и не было никакого огня. Может, и старуха привиделась? Но как тогда Олег оказался в этой лачуге? Кто разделал волчью тушу, обложил его кусками «целебной» тухлятины? Может, он сам в горячечном бреду выбрался из норы, утащил за собой убитого волка, нашел хижину…

Олег склонил голову и, ломая глаза, осмотрел рану на груди. Дырки не было, зато виднелся разрез, «запаянный» ожогом. Кто-то вытащил из него пулю, а рану прижег порохом или еще чем-то. Кто-то это сделал, потому что сам он с пулей справиться не мог.

Он вышел из лачуги. Только переступил порог, как нога утонула в мокрой от росы траве. Видно, утро сейчас, возможно, раннее. Озеро рядом с зеленой водой, туман по нему стелется, обкуривая камыши. Птичий хор должен был радовать слух, но на душе, напротив, стало тревожно. Где он? Что это за место?

Олег обошел дом и увидел куст, на котором висела его одежда. Куртка, джинсы, джемпер, рубаха, белье. Все постирано, но не глажено. Даже прострелы на рубахе и джемпере зашиты. И чья заботливая рука это сделала? И где старуха, которая спасла его?

Пахомов потянулся за майкой, но отдернул руку. Одежда чистая, а тело грязное, вонючее. Непорядок.

Он надел только трусы. И обулся. После чего направился к озеру. Чем ближе к нему подходил, тем больше воды выступало из травы под ногами. Болотистая почва. Оказывается, озеро раскинулось на болоте. Камыш свежий, стебли тугие, налитые, а деревья чахлые, местами будто обглоданные.

Олег остановился, понимая, что земля под ногами в любой момент может превратиться в трясину. Не добраться ему до озера – нужно поворачивать назад. Но где взять воду? Ответ на этот вопрос он нашел вместе с родником, который бил из земли неподалеку от хижины. Но вода в нем ледяная, в ней не искупаешься. В его положении заработать воспаление легких – раз плюнуть.

Он нашел старое ржавое, но целое ведро, набрал в него воды. Огонь развести не смог, поскольку не было дров. Пришлось идти в лес, собирать хворост. Так и закрутился, не обращая внимания на слабость в теле. Развел огонь, поставил греть воду, тогда и родилась мысль убрать гнилые куски волчьего мяса, которые он отклеил от себя. Но не было ничего такого в доме. Или волчья плоть сгнила в прах, или ее не было вовсе. И кружки, из которой старуха заставляла его пить волчью кровь, нигде не было. И хвостов, свисающих с потолка, он не увидел. Ни хвостов, ни ушей, только метелки из лечебных трав, которые от старости превратились в труху. И еще он пытался найти свои документы, но их тоже нигде не было. Но удостоверение сотрудника полиции точно существовало. И куда оно исчезло? Может, его забрали вместе с оружием?..

Не было разлагающейся плоти, да и гнилью Олег, как выяснилось, не был обмазан, но потребность помыться осталась. Он согрел воду, кое-как омылся, оделся и сел на большой, подогретый солнцем камень у родника. Очень хотелось есть, а в доме ничего съестного не было. Можно было бы рыбы наловить, но к воде не подойдешь. Зверя подстрелить, но чем? Силки можно поставить, но пока заяц в него попадет, желудок селезенку сожрет.

Странной старухи нигде не было. И ощущение такое, как будто она давно ушла. Если она вообще существовала. Никто его здесь не держал, и он мог уйти. Но куда? Он понятия не имел, где находится. Возможно, за сотни верст от волчьего логова, в которое угодил. Хотя это маловероятно. Не могло его занести так далеко. Значит, егерская избушка где-то рядом. Но в какой стороне? А если все-таки далеко?

Не мог Олег отправиться в неизвестность налегке – без припасов, без снаряжения. Если заблудится – пропадет. В общем-то, он уже заблудился. Но здесь хоть какая-то крыша над

головой. И очаг. Чистая родниковая вода. И старуха может вернуться… Да, пока не появится старуха, уходить отсюда не стоит. Она и советом поможет, и поесть что-нибудь даст.

Но когда она придет? Глупо так сидеть сложа руки, когда лес кишит дичью. Утки на болоте водятся, в лесу зайцы, косули, кабаны. Ружья нет, но можно сделать лук. И веревка найдется, и железо для наконечника. Олег вскочил, метнулся к хижине. Лук – это идея. И силки он тоже умеет делать.

Олег служил в спецназе МВД, у него краповый берет, и науку выживать он постигал на практике. К тому же в борьбе за свою жизнь он найдет успокоение от назойливых мыслей. Возможно, исчезнет ощущение, что он сошел с ума.

Глава 6

Тайга с трех сторон, с юга река, но дом окружен высоким забором – ни к лесу не выйти, ни к воде. Да и на окнах решетки – красивые, кованые и наверняка крепкие. И стены сложены из толстого бревна. Если это лиственница, то их даже самой мощной бензопилой не возьмешь. Да Татьяна и не пыталась бежать из этого дома. Во-первых, она под охраной, а во-вторых, одна-единственная попытка сбежать отправит ее в погреб, а там холодно и никаких условий. А так в ее полном распоряжении целая спальня с биотуалетом. И трехразовое питание, очень неплохое. Но главное, никто из охраны даже не пытается к ней приставать. Никто не покушается на ее женское достоинство. А если она попробует сбежать, ее отправят в погреб. Но сначала изнасилуют. И она сама будет в этом виновата. Во всяком случае, так ей сказали.

– Что, не нравится вам здесь, Татьяна Сергеевна? – с вежливой издевкой спросил Чащин. – Я вас прекрасно понимаю. И даже мог бы вас отпустить.

– Так в чем же дело? – с металлом в голосе спросила она.

И взгляд у нее жесткий, холодный, только вот не производит он должного действия на подлеца, который стоял перед ней. Не боится ее Чащин.

Третья неделя пошла, как она здесь, в таежной заимке у черта на куличках. И только сегодня к ней заявился Чащин. И это очень плохо. Теперь она знает, кто стоит за ее похищением. Значит, она не выйдет отсюда живой. Тогда зачем приехал Чащин?

– Вас ищут.

– Я в этом не сомневаюсь.

– В городе работают ваши коллеги из Москвы.

– Меня найдут. – Татьяна знала, как придавать своему голосу начальственную уверенность.

– Боюсь, что убийства, которые случились у нас весной, ваших коллег не интересуют. Их интересует убийство ваших подчиненных.

– Убийство?!

Она не знала, что произошло в хижине егеря. Олег ушел, она осталась спать, кто-то ворвался, взял ее на удушающий прием. Очнулась она в машине, которая привезла ее в этот дом. Ее поместили под замок и в информационный вакуум – ни радио, ни телевидения, ни газет. Об Интернете и говорить нечего. Она хотела знать, что случилось с Олегом и его подчиненными, но ей не говорили. Впрочем, она могла догадываться. Если Олег не смог прийти ей на помощь, значит, с ним что-то случилось. И с ним, и с Духовым, и с Черновицыным.

– Убийство, – жестко, с нажимом на фатальность события, сказал Чащин.

– Думаю, вам нужно признать свою вину. Возможно, это позволит вам избежать пожизненного заключения.

Она попыталась придать своим словам твердость, но голос дрогнул, поплыл.

Олега она знала всего полгода. И все это время изображала если не полное равнодушие, то что-то близкое к нему. И ничем не выделяла его среди остальных. Но себя-то не обманешь. Она все крепче привязывалась к нему и, в конце концов, просто влюбилась. А тот случай с волком на крыше и вовсе выбил ее из колеи.

Она была женщиной с характером, поэтому могла влюбиться только в сильного мужчину. Может, потому вдруг и поддалась тем чарам, которые напустил на нее Чащин. Его взгляд, голос… Если тогда, на Новой улице он и пытался очаровать ее, то ему это удалось. Но тогда же Татьяна поняла, что Пахомов еще сильнее, чем он. Даже матерый волк испугался его. И его испугался, и Чащина. Но Чащин казался таким ненадежным, зато в Олеге она была

уверена на все сто… Да, она тогда была под впечатлением, но ничуть не жалеет о том, что легла с Пахомовым в постель. Более того, считает это самым ярким событием в своей жизни.

И с Чащиным она могла лечь в постель. Если бы они тогда вдруг остались наедине, вряд ли бы она отказалась от приглашения поговорить с ним в его доме. Он тогда еще не был для нее преступником, и его обаяние действовало на нее… Все могло бы случиться тогда, но сейчас об этом не хотелось и думать. Сейчас она презирала Чащина, и больше ничего. И не очарует он ее больше, пусть даже не пытается.

Да и как она могла очароваться человеком, который убил ее любимого мужчину?..

– Татьяна Сергеевна, вы опоздали: первое апреля уже прошло… – усмехнулся он. – Или это шутка в счет следующего года? Так до первого апреля нужно еще дожить.

– Какие уж тут шутки?.. Зачем вы это сделали?

– Я сделал?!. Ваш табельный пистолет приобщен к делу. С орудия убийства сняли ваши «пальчики».

– С орудия убийства?

– Я не знаю, почему вы решили убить своих подчиненных. Возможно, они вас не слушали. Возможно, вы обиделись на них за то, что они сломали машину… Мне все равно, что там было. Я знаю только то, что в убийстве обвиняют вас. Скажите, мне нужно говорить, что вы находитесь в федеральном розыске?

– Я хочу предстать перед следствием, – сквозь зубы сказала Татьяна.

– Вы смелая женщина.

– Всегда такой была.

– Я знаю. И уважаю вас. Именно поэтому я не отдам вас в руки правосудия.

– Зачем вы это сделали?

– Что сделал?

– Вы все прекрасно поняли.

– О весенних убийствах уже забыли. Все внимание переключено на страшное тройное убийство. Следователь по особо важным делам застрелила сотрудников полиции! Все об этом только и говорят.

– Это неправда.

– Я знаю только, что цель достигнута.

– И никто не роется в вашем грязном белье?

– Да, у нас организация, – кивнул Чащин. – Да, через нас проходят большие деньги. Но поверьте, наша организация не имеет отношения к убийствам, череда которых обрушилась на наш прекрасный город. Но вы не захотели в это поверить. Вам вдруг понадобился Мазай… Вы сами засунули голову в петлю.

– Зачем вы меня здесь держите?

– Это нелогично, – будто соглашаясь с ней, кивнул он. – Свой пистолет и пистолет капитана Духова вы выбросили, у вас осталось табельное оружие капитана Черновицына. Вы могли бы застрелиться из него. Это не трудно. Во всяком случае, для нас…

– Вы не сказали про пистолет Пахомова, – заметила Татьяна, пристально глядя на собеседника.

– Пистолет Пахомова остался на месте преступления.

– Почему я не застрелилась из пистолета Черновицына?

– Вы торопитесь умереть?

– Нет, меня удивляет, почему я все еще жива… Пахомов жив?

Вопрос прозвучал так резко, что в глазах Чащина что-то дрогнуло.

– Нет.

Он сумел скрыть растерянность, но с ответом все-таки промедлил.

– Жив. И скрывается от вас. – Татьяна была почти уверена в том, что говорила.

– Его уже похоронили.

– Я хочу в этом убедиться.

– Я могу вам устроить свидание. На том свете. Там и убедитесь.

– Что ж, я готова умереть, – набираясь смелости перед смертью, сказала она.

Подставить человека не трудно. Было бы желание, воля, силы и средства. Все это у Чащина было, поэтому не исключено, что Татьяну действительно обвиняли в убийстве на основании неопровержимых улик. Но видно, что-то пошло не так. Видно, Пахомов ушел от Чащина, поэтому он и не допустил, чтобы Татьяна покончила жизнь самоубийством. Возможно, он собирается предложить Олегу обмен. Чтобы заманить его в ловушку…

– Хорошо, завтра вы умрете.

– Почему завтра?

– На рассвете.

– А как же Олег?

– Олега больше нет. Но вы с ним встретитесь. Завтра. На рассвете.

Чащин повернулся к Татьяне спиной, сделал шаг и остановился.

– Вы любите Пахомова?

– Люблю.

– Тогда я жду от вас «спасибо». Могу принять его в письменном виде. Оставьте записку, когда пойдете встречать рассвет.

– Я подумаю.

– Всего хорошего.

Чащин ушел, появился охранник. Он взглядом велел ей зайти в свою комнату. Татьяна внимательно посмотрела на него, анализируя ситуацию. Она владела техникой рукопашного боя и, в общем-то, могла бы справиться с безоружным парнем. Но что дальше? Дверь, через которую можно было покинуть дом, уже закрыта на замок. Охрана знала свое дело.

Парень заметил в ее взгляде брожение смелых мыслей и предостерегающе качнул головой. Он не советовал совершать глупость, которая отправит ее как минимум в подвал. Татьяна вздохнула и зашла в свою комнату. Не надо дергаться, пусть Чащин увидит, с каким достоинством нужно принимать смерть…

Ночь Татьяна провела без сна. Она думала о прожитом, вспоминала Олега. И еще она долго читала «Отче наш», единственную молитву, которую знала. Татьяна не очень верила в Бога, но вдруг он все-таки есть? Вдруг ей действительно будет суждено свидеться с Олегом на том свете?..

Наступил рассвет, но за ней никто не приходил. Утром подали завтрак, а к обеду появился Чащин. И пригласил ее на обед.

– Да, я хочу есть, – кивнула она.

– Суп, вермишель, куриные котлеты, салат из китайской капусты. Больше ничего предложить не могу, – развел он руками.

– Да, я люблю куриные котлеты. Надеюсь, их подадут как последнее желание?

– Последнее желание перед казнью?.. – усмехнулся Чащин. – Вы так торопитесь умереть?

– Нет, но вы обещали.

– А если я передумал?

– Вы решили передать меня в руки правосудия?

– Если я это сделаю, вас посадят. Возможно, на пожизненный срок. Но достанется и мне. Тогда получится, что ваши друзья принесли себя в жертву напрасно.

– У вас плохие шутки.

– А у вас шутки неудачные.

– Это вы о чем?

– Напрашиваетесь на последнее желание. Разве это не шутка?

– Нет.

– Ну, хорошо… – Чащин сунул руку под пиджак, вынул оттуда пистолет «ПМ».

Потом достал из кармана платок, протер пистолет и протянул ей.

– В обойме один патрон. Вы знаете, что с ним сделать. Или страшно?

– Не страшно! – Татьяна выдернула у него пистолет.

Она понимала, что это фарс. Или обойма пустая, или патрон в ней безнадежно испорчен. Иначе бы Чащин не дал ей пистолет, который мог обернуться против него. А стрелять она умела. Но Чащин спокоен, он ничего не боится.

– Скажите, что вы пошутили, и я вас ни в чем не упрекну. – Он протянул руку, чтобы она вернула пистолет.

– Чему бывать, того не миновать.

Она вынула обойму, глянула на единственный в ней патрон, который производил впечатление боевого. Вернула все на место, передернула затвор.

– Пистолет Черновицына? – спросила она.

Это должно было напрячь Чащина. После такого вопроса мог последовать выплеск праведного гнева. Но Чащин не боялся, что Татьяна выстрелит в него. Значит, все-таки патрон липовый. Или боек спилен.

– Это уже не важно, – усмехнулся он.

– Да и выбора у меня нет.

Татьяна приставила ствол к виску и вдруг покрылась липким потом. А что, если патрон только собирались вывести из строя, но не смогли этого сделать? Да и боек никто бы не стал спиливать. Зачем, если пистолет Черновицына – та самая палка, которая хоть раз, но должна выстрелить. Рано или поздно Татьяну застрелят, и она должна это понимать. Но случиться это может рано, прямо сейчас. А умирать так не хотелось…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.